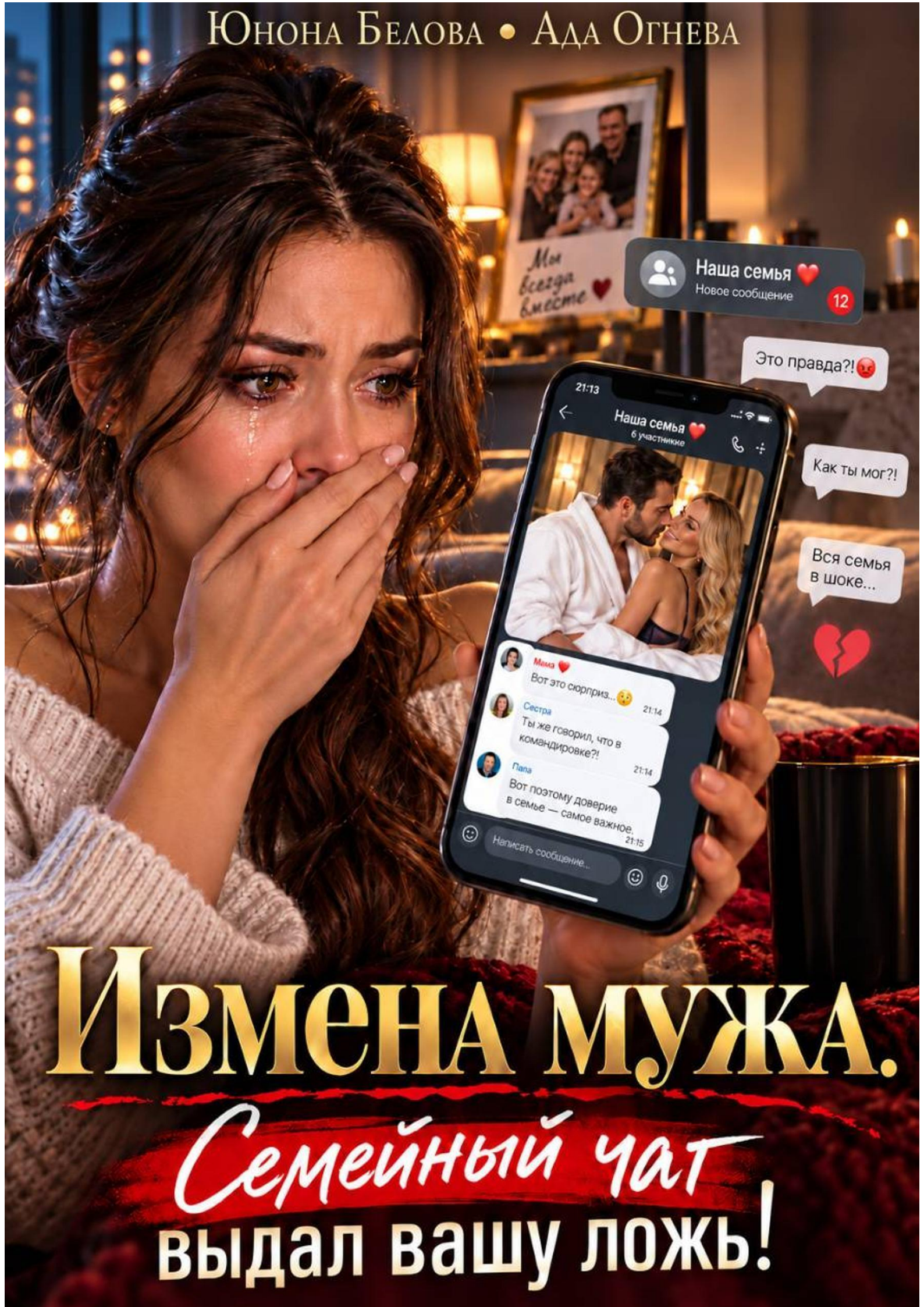

Юнона Белова • Ада Огнева

Наша семья ❤️
Новое сообщение 12

Это правда?! 😱

Как ты мог?!

Вся семья
в шоке...

ИЗМЕНА МУЖА.

Семейный чат
выдал вашу ложь!

Ада Огнева

**Измена мужа. Семейный
чат выдал вашу ложь!**

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Измена мужа. Семейный чат выдал вашу ложь! / А. Огнева —
«Автор», «Автор», 2026

Я открыла семейный чат, чтобы поздравить маму. А увидела фотографию мужа в постели с моей младшей сестрой. Родственники смеялись. Мама сказала, что я сама виновата. А Игорь объявил меня истеричкой, выгнал из дома и запретил видеться с детьми. За одну ночь я потеряла семью, деньги и даже право защищаться. Но вскоре обнаружилась невероятная правда. Скандальную фотографию подделали. Сестре заплатили за постановку, а влиятельный инвестор использовал мой позор, чтобы захватить бизнес мужа. Игорь тоже участвовал в заговоре против меня. Теперь я намерена вернуть детей, разоблачить предателей и начать собственную жизнь. Но кто из близких нанесёт следующий удар?

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юнона Белова

Измена мужа. Семейный чат выдал вашу ложь!

Глава 1

В семейный чат я зашла поздравить маму. Снимок хризантем уже выбрала, осталось написать что-нибудь тёплое — не то же самое, что в прошлом году. Вечер пятницы, рядом остывает недоеденная пицца, от чистого белья тянет лавандой. Игорь в ванной, дети дома. Когда я потянулась к строке ввода, поверх цветов открылось новое фото. Так и осталась с недописанным «Мамочка».

И увидела это.

Приблизив снимок, я задержалась на распахнутом халате. Его размытый белый край дрожал от увеличения, а лицо мужчины не попало в кадр. Стрижка Игоря. Плечи его — я ведь знаю, я семь лет рядом просыпаюсь. Рядом лежала Лена; в её лице я как раз не сомневалась. Моя младшая сестра смотрела в объектив, одежда почти ничего не закрывала. Над снимком стояло: *«Секретная встреча в выходные. Никому не говорить»*. Это в чате, где бабушки пересылают поздравления. Никому, значит.

Я набрала «Что за хрень?», увидела вместо этого несколько случайных букв и стёрла их. Палец никак не попадал по нужной клавише. Ещё раз. Уже не могла решить, что спросить сначала: где это снято или почему Лена вообще рядом с моим мужем. Экран прокрутился, и фотография ушла вверх. Пока я возилась с тремя словами, родственники успели ответить за меня.

— Ого! Игорь-красавчик! — написал дядя Витя. — Лена, ты молодец, наконец-то смелость появилась, — добавила тетка Галя. — А Марина где? Она вообще знает? Или опять спит в своей идеальной клетке?

Смахнула слезу с щеки и размазала тональный крем. Хотела написать раньше всех — чтобы никто не успел решить, будто я знала и согласна. Теперь под снимком было столько смеющихся рож, что моё «Что происходит?» легко потерялось бы между ними. А ведь они видели, что я в сети. Видели и продолжали. Я перечитала имя тётки Гали, надеясь, что перепутала чат.

Пришло мамино голосовое. Я сразу нажала на него: пусть хотя бы мама скажет, что всё это безобразие надо убрать. В динамике послышался её смех. Я ещё ждала продолжения, нормального, обращённого ко мне, — мало ли, она начала отвечать кому-то у себя на кухне.

— Ой, ну наконец-то! — пропищала мама, и мне показалось, что она специально включила микрофон громче. — Я всегда говорила, что этот Игорь — бабник. Маришка, ты же знала, да? Ты же терпела ради детей? А теперь-то каково? Заслужила, доченька. Заслужила.

Я выключила голосовое посреди фразы и включила снова. Нет, мне не показалось. «Заслужила» — два раза. Она ведь знает, что я слышу. Что я сейчас одна с этим снимком, а она там, среди своих, может хотя бы не смеяться. Лена однажды жаловалась ей на мою «стабильность», и мама тогда велела мне не хвастаться. Я пыталась вспомнить, чем хвасталась. Тем, что у нас всё хорошо? Больше не хорошо, мам. Теперь тебе полегчало?

Следующее сообщение пришло от Лены. Я успела подумать, что сейчас она хотя бы объяснит, откуда взялось фото. Открыла её длинный ответ:

«Марина, не делай из мухи слона, тётеньки. Мы просто выпили после корпоратива, Игорь уснул в халате, а я его прикрываю одеялом. Фото неудачное, ракурс дурацкий. Не надо драмы, ладно?»

Я вернулась глазами к фотографии: в её сообщении было одеяло, в кадре его не было. Не успела набрать этот вопрос, как дядя Витя уже ответил вместо сестры:

«Ооо, ревнивая жена вышла на охоту! Истерика начинается!» Брат мужа, Серый, добавил: *«Марина, тебе бы в театр, а не в домохозяйки. Актерская игра бешеная. Успокойся, мужик твой нормальный, это просто вечеринка»*

Сначала они поздравляли Игоря. Теперь уже обсуждали, какая у него плохая жена. Я ещё ничего не отправила, а истерика мне была назначена. Смотрела на Ленино объяснение и пыталась ухватиться за конкретное: если она его прикрывает, почему лежит сама? Где одеяло? Зачем тогда такая подпись? Надо было спросить это спокойно, по порядку. Я открыла клавиатуру. Горло стянуло так, что даже выдох получился со звуком. Пальцы опять ткнули не туда.

Щёлкнул замок ванной. Игорь вышел с полотенцем на голове; в открытой двери ещё стоял пар. Он увидел меня на диване, убрал полотенце с лица и посмотрел на телефон. Я ждала, что он спросит, что случилось. Хотя бы для вида. Но он подошёл сразу к моей руке, словно я держала его вещь.

— Отдай, — сказал он. Не «что там», не «почему ты плачешь». Отдай. Таким голосом он обычно просил передать документы, когда я стояла у стола: считал, что просьбу уже выполнили, просто ещё не положили нужное в его ладонь.

Я сжала телефон обеими руками, прижимая его к груди, как щит.

— Посмотри, — прошептала я, и мой собственный звук показался мне карканьем ворона. — Посмотри, что там.

Игорь взялся за верхний край телефона и дёрнул. Я не ожидала, что он применит силу; ноготь царапнул стекло, устройство уже оказалось у него. Он пролистал сообщения большим пальцем. Остановился на фото, прочитал подпись. По его лицу я ничего не поняла. Потом он убрал экран от меня — вот это движение я поняла прекрасно.

— Ты опять лезешь в мои дела? — спросил он, кладя телефон обратно в карман халата. — Это рабочий момент, Марин. Виктор мог видеть нас случайно. А ты устроила цирк в чате. Позоришь меня перед родственниками, которые ничего не понимают.

— Виктор? — переспросила я. — При чем здесь инвестор? Там фото с Леной!

— Лена — моя сестра по духу, коллега, — отрезал Игорь, отвернувшись к зеркалу, поправляя воротник. — А ты — истеричка, которая не умеет держать язык за зубами. Из-за тебя я выгляжу как человек, которого контролируют. Это неприемлемо для имиджа фирмы.

Спрашивала о Лене, а отвечать приходилось за себя. За шум, за родственников, за его имидж. Игорь даже не запнулся, произнося «моя сестра по духу». Если бы я рассказала ему такую историю про чужого мужчину, он бы дал мне договорить? Мне захотелось повторить его же фразу, услышать, как она прозвучит из моих уст. Не смогла. Из детской уже шли.

В гостиную заглянула Соня. Шестилетняя девочка с косичками-хвостиками, замотанными розовыми лентами. Она держала в руке плюшевого зайца, одного уха которого не хватало.

— Мама, — спросила она тихо, глядя на телефон в руках отца, который тот достал снова, проверяя уведомления. — Почему дядя Лёша смеется в телефоне? Он обзывает папу? Или маму?

Соня смотрела попеременно на нас обоих. Я хотела отвлечь её от телефона, сказать: «Иди, я сейчас приду». Но если уйдёт, кто остановит звук? Муж стоял с моим аппаратом и с моей жизнью в руках, а дочь слышала, как над этим смеются. Я поднялась слишком резко, опираясь на диван.

— Выключи звук, папа, — приказала я, вскакивая с дивана. Колени затряслись.

Игорь даже не повернулся. Он продолжал печатать сообщение, уголки его губ чуть дернулись вверх.

Тёма вышел следом. Он не подошёл ко мне, остановился ближе к отцу. Посмотрел на экран, потом на моё лицо. Я знала этот его взгляд: сейчас начнёт убеждать Соню, что плакать стыдно, что всё в порядке. Но он заговорил не с сестрой.

— Ты снова всё портишь, — произнес сын четко, артикулируя каждый слог. — Папа занят работой, а ты ноешь. Как всегда.

Тёма говорил почти папиными словами. Я даже посмотрела на Игоря — он не поправил сына, не попросил не вмешиваться. Соня прижала к себе зайца. Хотелось схватить их обоих, закрыть дверь детской и объяснять, объяснять до тех пор, пока они не вспомнят, какая я на самом деле. Но Тёма уже отодвинулся от меня. Десять лет, и ему приходится выбирать, кому верить. Они сделали так, что выбрать он должен был немедленно.

Глава 2

Муж положил телефон, взял дорожную сумку. Я сначала не поняла, чьи вещи собирает. Затем увидела свою косметичку. За ней в сумку легли паспорт, свидетельство о браке, документ на квартиру. Он складывал их так быстро, что я не успевала спросить ни об одной: почему именно это, зачем, надолго ли?

— Что ты делаешь? — Я потянулась к раскрытой сумке, но он повернул её к себе.

— Тебе нужно остыть. — Он застегнул молнию, хотя я ещё пыталась заглянуть внутрь. — Иди к маме на пару дней. Разберись со своими нервами. Здесь атмосфера токсичная. Для детей особенно.

— Это мой дом! — закричала я, схватившись за дверной косяк спальни, когда он попытался вытолкнуть меня в коридор. — Наша ипотека! Я плачу половину!

Игорь спокойно достал свой смартфон и открыл банковское приложение. На экране одна за другой стали серыми мои дополнительные карты к его счёту. Моё имя на пластике ничего не значило: владельцем счёта был он. Почти все деньги на жизнь лежали там — я сама переводила их «в общий котёл».

— Если ты не уйдёшь сама, — Игорь задержался возле меня с телефоном, будто уже выбирал номер полиции, — я вызову полицию для составления акта о домашнем скандале. Ты знаешь, как это выглядит для суда? Истеричка, угрожающая безопасности детей. Ты потеряешь все. А я сохраню лицо.

Я подумала о полиции и сразу представила, как буду объяснять снимок постороннему мужчине в прихожей. Игорь скажет то же, что детям: жена не в себе. Я стою и плачу, он вполне способен говорить о бумагах. Карты уже отключены. Даже поездка к маме теперь зависела от того, хватит ли мелочи в кошельке. А он ещё держал мою сумку, распорядясь, когда мне её отдать.

Он взял сумку с моими вещами, толкнул меня в спину так, что я едва удержала равновесие, и вывел в прихожую. Холодный воздух подъезда ударил в лицо.

Перед тем как вытолкнуть меня, Игорь швырнул мой телефон поверх вещей в сумку. Я успела сунуть его в карман куртки. Теперь он завибрировал; я включила громкую связь, потому что руки были заняты. Я автоматически нажала кнопку «Ответить», надеясь, что это кто-то из подруг, кто скажет хоть слово.

Голос мамы разнесся по пустому лестничному пролету, эхом отражаясь от бетонных стен.

— Маринка, не вздумай возвращаться, — сказала она строго, даже жестко. — У меня гости. Дядя Слава и тетя Валя. Мне стыдно за твою сцену. Разберись с этим мудаком сама, но не тащи грязь в мой дом. Ты взрослая. Терпи.

Щелчок. Линия оборвалась.

Игорь снял ключи с моей связки. Я держала сумку за обе ручки и смотрела, как он выбирает нужный ключ, будто мы собирались сдавать квартиру чужим людям. Запасной комплект был пришит к подкладке — после того первого потерянного ключа я перестраховалась. Сейчас я не двинулась, не проверила его рукой: пусть не заметит. Игорь протянул мне связку без квартирных ключей, словно всё необходимое уже вернул.

— Не забудь взять с собой носовой платок, — бросил он и закрыл дверь.

Дверь закрылась. Я осталась у неё, ещё надеясь услышать шаги обратно. Из-за двери ничего не доносилось. Сумка тянула руки; я поставила её на пол, но сама не села. Если сяду, уже не встану. Посмотрела на номер нашей квартиры и сказала, достаточно тихо, чтобы не услышали дети:

— Я найду, кто это сделал. И я заставлю вас всех пожалеть.

Телефон показал предупреждение о батарее. Я открыла контакты и остановилась: маме только что звонила, сестре — нет, это не разговор сейчас. Долго смотрела на эти два имени, которые всегда были рядом. В семейном чате оставались Игорь, Лена, мама, все остальные. Там продолжалась жизнь, из которой меня выставили вместе с сумкой. Я взяла её и пошла к лестнице. На лифт ждать не хотела: вдруг выйдет кто-нибудь знакомый.

Ночью в круглосуточном кафе я сидела так, чтобы сотрудник видел: не сплю. Не выгнал. Утром вернулась за детьми и долго возилась у замка с запасным ключом. Взялась за ручку, привычно прислушалась к квартире. Детей не было слышно. Я прошла мимо спальни, увидела нашу постель и на секунду задержалась — вдруг Лена ещё там? Сама себя ненавидела за то, что проверяю. Я пришла за сыном и дочерью, а не искать чужие волосы на своей подушке. Но дверь всё-таки приоткрыла.

Игорь пил кофе на кухне. Из кружки «World's Best Architect», которую я ему подарила. Он держал её за ручку и читал планшет, словно я вернулась из магазина и сейчас спрошу, куда поставить продукты. От этого обычного утреннего вида мне стало хуже, чем от всей ночи.

— Игорь! — мой голос сорвался на визг, от которого он даже не вздрогнул. — Где Лена? В спальне?

Он сначала допил то, что осталось в кружке, и только потом отложил планшет. Я стояла у стола и ждала, пока он закончит. Он посмотрел на меня снизу вверх и чуть отодвинулся, не освобождая места. Словно даже мой голос был слишком близко.

— Марина, тише. Соседи уже звонили в полицию вчера вечером. Не хочу повторяться.

Я схватилась за его руку. Просто хотела, чтобы не возвращался к планшету, пока я говорю. Он отдернул локоть, мои пальцы скользнули по рукаву. Раньше на кухне мы так касались друг друга, когда кому-то нужно было пройти к холодильнику. Сейчас от этого короткого движения меня едва не затошнило.

— Не трогай меня, — произнёс он ровно. — Ты пугаешь детей. И себя.

Я достала телефон и открыла снимок — опять, за ночь я смотрела на него столько раз, что могла бы описать каждую полоску на халате. Поднесла экран к Игорю. Пусть не получится отделаться словами о моём плохом характере: вот он, вот Лена, вот подпись. Мне нужно объяснение именно этому.

— Посмотри! — Экран всё ещё был между нами, я поднесла его ближе. — Это монтаж? Это фейк? Тогда объясни мне, почему мама перестала брать трубку, а все родственники присылают мне смайлики со смехом? Объясни!

Игорь посмотрел туда, куда я показывала. Потом на меня. Улыбнулся так, что я чуть не убрала руку сама: неудобно стоять над человеком с вопросом, когда он уверен, что вопрос глупый. Я оставила телефон перед ним.

— Мариш, ну сколько раз можно? Это же очевидно. Лена любит внимание. А эти фото... — он попытался отвести мой телефон в сторону. — Это просто пьяные шутки после корпоратива. Она сняла себя, приложила к скриншоту из инстаграма. Детская игра. А ты... ты истеричка, которая не может отличить реальность от фейков в интернете. Тебе нужен повод для драмы. Всегда был.

За край столешницы пришлось взяться обеими руками. Может быть, он правда знает, как это сделали? Может, фото наложили одно на другое, а я не разобралась? За ночь я уже выучила снимок наизусть, и теперь вдруг не доверяла даже своим глазам. Хотелось попросить: покажи, где подмена, ткни пальцем. Только он говорил не о снимке. Он говорил о том, какая я.

Из детской вышел Артём. Ещё в пижаме, с примятым после сна боком причёски. Я повернулась к нему, собираясь позвать ближе, и остановилась. Он остался у дверного проёма; губы сжал так, как сжимал, когда собирался сказать что-нибудь неприятное.

— Мама, папа сказал, что ты больная, — тихо произнёс он. — Ты кричишь. Перестань. Мне стыдно перед друзьями.

Я хотела ответить Тёме, но за ним появилась Соня и сразу заплакала. Прижала щёку к братову плечу, а он не обнял её, продолжал смотреть на меня. Я опустила телефон. Неужели они всю ночь слышали обо мне только это?

— Не надо плакать, солнышко, — мягко сказал Игорь, поднимаясь. Он подошёл к детям, положил руки им на плечи, уводя обратно в комнату. Детям он говорил тихо. Я только что кричала, пытаясь добиться ответа, а он теперь показывал им, что рядом с папой спокойно. Я опустила телефон: в их глазах он уже выглядел правым. — Папа рядом. Маме просто нужно отдохнуть. Она немного не в себе.

— Тёма! Соня! — я попыталась шагнуть к ним, но Игорь обернулся и жестом остановил меня.

— Назад, Марина. Не делай им хуже.

Детскую закрыли перед моим лицом. Я коснулась ручки и убрала руку: Игорь стоял рядом, и открывать силой сейчас означало снова пугать Соню. Из комнаты слышался её всхлип. Я слушала, не зовёт ли она меня. Не звала.

Глава 3

На мамин номер я всё-таки нажала ещё раз. После вчерашнего это было унижительно, но она ведь знала Лену: её привычку выкладывать всё без спроса, её шутки, от которых потом другим приходится оправдываться. Пусть мама злится на меня. Только бы один раз ответила по делу — откуда взялся снимок и кто его отправил.

Набрала мамин номер и держала аппарат у уха до сообщения о недоступности. Нажала повторный вызов: вдруг просто не успела взять? Снова недоступна. В WhatsApp получилось отправить сообщение, но отметка о прочтении так и не появилась. Я оставила чат открытым, ещё надеясь её дождаться.

Тогда я заметила уведомление в верхней части экрана, которое раньше затмевал страх. *«Ваш номер заблокирован оператором по заявлению владельца аккаунта»*.

Сим-карта была оформлена на Игоря вместе с семейным тарифом. Тогда мы радовались, как удобно: один платёж, всё в одном приложении. Теперь я могла писать только через квартирный Wi-Fi. За порогом даже позвонить не получится. Я прочитала уведомление ещё раз и запомнила формулировку. По заявлению владельца. Не из-за ошибки оператора.

С телефоном в руке добралась до ноутбука и положила аппарат рядом. Ввела пароль, увидела сообщение об ошибке. Забыла переключить раскладку. На второй попытке промахнулась по цифре. Мне очень хотелось хоть в чём-то действовать быстро и правильно, а получалось вот это: я не могла даже попасть в свой собственный аккаунт.

Когда загрузилась соцсеть, я сразу пошла к семейному чату. Нужно было написать опровержение, пока Игорь не отобрал и ноутбук. Хоть одно сообщение, которое нельзя будет потом пересказать как мою истерику. Я мысленно собирала фразу: сначала про время, затем про фото. До строки ввода не дошла.

Экран мигнул красным.

«Аккаунт удалён пользователем».

Я моргнула. Прочитала снова. *«Страница не найдена».*

Ссылку на профиль проверила вручную. Потом ещё раз, через поиск. Пришло письмо о запросе на удаление. На общем ноутбуке вход годами оставался открытым — удобно, когда нужно быстро ответить. Теперь кто-то этим воспользовался. Переписки у других людей, конечно, никуда не делись. Но мне в них больше не войти. Вчера они говорили за меня в чате, сегодня убрали возможность хотя бы возразить.

В голове был только один вопрос: что ещё он может отключить? Я смотрела на знакомые кнопки и вдруг не знала, которой можно доверять. Там были детские фотографии, сообщения мамы, мои старые рабочие контакты. Я не заводила отдельного архива: это же мой аккаунт, кому придёт в голову отнять его у меня?

Игорь зашевелился в прихожей. Я повернулась на звук и отодвинула ноутбук.

Игорь вышел с собранным чемоданом. Увидел открытый ноутбук, но ничего не спросил. Я ждала, что скажет, куда собрался, как будут дети. Он поставил чемодан у двери и достал конверт. Даже бумаги у него были готовы, пока я пыталась дозвониться маме.

Конверт он бросил на журнальный столик. Я знала, о чём бумаги, ещё до того, как вынула их. Но всё-таки открыла — вдруг не настолько плохи условия, как приготовилась услышать.

— Подпиши, — сказал он, не снимая куртки. — Сейчас.

Я посмотрела на конверт, потом на него. — Условия?

— Квартира остаётся мне, так как ипотека платится из моего дохода. Дети остаются со мной. Ты получаешь право видеться два раза в месяц под присмотром опеки. Иначе... — он сделал паузу, давая страху прорасти во мне. — Я инициирую экспертизу твоего психического

здоровья. Твои истерики, твои обвинения в адрес сестры, твои попытки проникнуть сюда... Это будет выглядеть как нестабильность. Ты потеряешь всё. И детей тоже.

Он особенно медленно произнёс «под присмотром опеки». Я увидела перед собой встречу с детьми: чужой человек сидит рядом, смотрит, что я говорю сыну. Нельзя шепнуть, нельзя нормально обнять. А в конце ещё и отпустить их с Игорем. Я сжала колпачок ручки, который лежал на столе.

С ручкой в пальцах прочла первую строку. Затем ту, где дети. От подписи до конца страницы осталось несколько сантиметров — можно сейчас провести рукой, и он наконец уйдёт, перестанет говорить, какая я больная. Но что будет потом? Я так ясно представила чужого наблюдателя рядом с Соней, что отдёргнула кончик ручки от бумаги. Нет. Не могу.

— Ты правда хочешь сделать это сейчас? — спросила я тихо.

— Я хочу закончить этот цирк, Марина. Ты стала скучной. Даже измена тебе не интересна, тебе нужен спектакль. Я ухожу от скуки.

Я положила ручку на неподписанный лист. Игорь посмотрел на неё, как на личное оскорбление, и хлопнул дверью. Звук удара разлетелся по квартире. Я быстро собрала зарядку и документы; детей он увёл к маме, и мне предстояло выяснить, куда именно.

Перед уходом забрала телефон со стола и проверила заряд. Всё ещё тот же аппарат, все кнопки на месте. Только пользоваться им теперь почти не для чего. Я стояла так несколько секунд, пока кожа на щеке не начала стягиваться от высохших слёз. Потом вытерла лицо рукавом и стала собираться.

Из кармана моей куртки выпал маленький предмет, который я машинально подобрала с пола в коридоре, когда Игорь уходил. Я думала, это пуговица или монета.

Но нет.

Это была USB-флешка. Маленькая, серебристая, с брелоком в виде миньона.

У Лены таких не бывает. Она презирует игрушки. У Игоря таких не бывает. Он носит строгий бизнес-класс.

Я такие видела у Виктора на столе в переговорной. Он раздавал их, когда приносила документы Игорю. Тогда я ещё думала, что деловые люди не любят игрушечные брелоки; Виктор любил и не считал нужным объяснять. Я повертела миньона на цепочке. У мужа сегодня должна была быть встреча с ним.

Может, это вообще не про Лену? Я снова вспомнила, как Игорь вчера сказал «рабочий момент», и теперь уже не знала, чему ужасаться прежде.

Я зажала флешку в ладони. Она могла быть пустой или содержать чужую смету — я ещё ничего не знала. Но это была вещь, которая попала ко мне, а не текст, который мне разрешили прочитать. Я убрала её отдельно от документов. Сначала проверю, потом буду решать, что с ней делать.

Аккаунт он закрыл. Но флешку у меня забрать не успел. Я застегнула карман, ещё раз проверила, где лежит запасной ключ, и вышла.

В банке я долго не выпускала паспорт из рук, хотя сотрудница уже попросила положить его на стойку. Боялась, что отнимут и это. Когда наконец протянула, заметила, как дрожит уголок обложки. Она не смотрела на меня, читала что-то у себя на экране.

— Вы должны были заблокировать карту вчера. — Она произнесла это, сверяясь с экраном, и мне пришлось наклониться ближе к стеклу, чтобы расслышать. — Это дополнительная карта к счёту супруга. Он её заблокировал.

— Но там и мои деньги! — я ударила ладонью по стойке. Звук получился глухим, нелепым. — Там мои деньги! От зарплатных проектов, которые я вела до декрета! Игорь просто... он просто хочет меня изолировать!

Она оторвалась от монитора и посмотрела на мою ладонь, которой я ударила по стойке. Я убрала руку. Хотела, чтобы слушала то, что говорю, а не громкость. — Марина Александровна,

карта оформлена на вас, но счёт принадлежит Игорю Волкову. Без его распоряжения я не могу выдать деньги. Вы можете открыть собственный счёт. А вопрос переведённых вами средств придётся решать отдельно. Следующий клиент, пожалуйста.

На улице я проверила телефон: три процента. От банка денег не получила, а разрядить аппарат до школы было бы совсем глупо. Убрала его в карман и пошла к детям. Всё, что вчера представлялось невозможным, сегодня произошло. Значит, хоть их надо увидеть собственными глазами, не слушая Игоря.

До школы имени Гоголя от нашего дома десять минут. Я раньше проходила их, успевая ответить на сообщения. Сейчас хотелось бежать, но я удерживала себя: если появлюсь у ворот запыхавшаяся и в слезах, Игорь получит ещё одного свидетеля моей «болезни». Вытерла под глазами и пошла медленнее.

У ворот стояли родители. Я увидела Соню раньше, чем она меня: она выбежала из подготовительной группы и обняла за талию мать подруги. Та что-то сказала, дочь засмеялась. Ну да, детям надо смеяться. Почему я от этого почувствовала себя ещё хуже?

Я рванулась вперед, игнорируя очередь. — Соня! Милая, подожди!

Ворота не открылись, сколько я ни тянула. Из будки вышел охранник с планшетом. Не спросил, кого забираю: сначала посмотрел в список. Держась за створку, я ждала, когда он наконец узнает меня.

— Пропуск? — спросил он сухо. — Я мать Сони Волковой. И Артёма. Я хочу забрать их. Или хотя бы просто поговорить. — В системе обновлен протокол безопасности, — охранник ткнул пальцем в планшет. — Разрешено забирать детей только родителями из списка приоритета. Папа и бабушка Галина Петровна. Вы в списке исключений. Вход запрещен.

— Исключений?! — Я сама услышала, как громко получилось. Родители обернулись; один навёл на меня телефон. Теперь нужно было говорить и для этой чужой записи. — Вы понимаете, что происходит? Мой муж блокирует меня, чтобы я не могла видеть своих детей! Позвольте мне пройти!

Охранник покачал головой. — Приказ администрации школы. Основан на заявлении законного представителя. Извините. — Дайте мне отказ письменно. И фамилию директора. Он снова посмотрел в планшет. — Обращайтесь в приёмную. Я сфотографировала табличку с её телефоном. Не прошла к детям, но уйти совсем без следа им уже не позволила.

Соня обернулась, когда я повысила голос. Сначала посмотрела на меня, как будто я стояла не там, где положено маме. Потом шагнула за чужую юбку. Я хотела позвать её ещё раз, но увидела, как она сжала край ткани. Ей было страшно. От моего голоса тоже.

Глава 4

У соседнего киоска я купила самую дешёвую сим-карту, отдав часть последних наличных. Продавец помог её вставить. На экране был один процент. Я набрала маму, пока аппарат ещё работал, и поглядывала на значок батареи между гудками. Только бы ответила раньше, чем выключится. Она наконец взяла трубку. — Алло? Мама, это я. Марина. Тишина. Потом тяжелый вздох. — Доченька... — Мам, пожалуйста, открой дверь. Мне негде ночевать. Карта не работает. Дети... меня не пускают в школу. Ты же знаешь, что это ложь! Фото... оно сфальсифицировано!

— Марин, не начинай, — голос мамы дрожал, и я почти слышала, как она оглядывается, нет ли рядом слушателей. — Весь чат уже видел. Тетя Люба, дядя Коля... всем неудобно смотреть тебе в глаза. Игорь сказал, ты сорвалась, стала агрессивной. Что ты угрожаешь ему. — Я не угрожала! Он выгнал меня на улицу! — Тебе нужно успокоиться. Ты сейчас не в состоянии принимать решения. Мы не можем впустить тебя. Будет скандал. Нам стыдно перед соседями. Пожалуйста, не звони больше.

Она отключилась. На экране всё ещё светился заряд. Разговор закончила мама. Можно сколько угодно нажимать её имя, но ответить от этого она не захочет. Я постояла на тротуаре, потом убрала аппарат: прохожим приходилось обходить меня, а я всё ждала, что она перезвонит.

В торговом центре я дошла до фуд-корта и остановилась у запаха жареного мяса. Не ела с ночи. Мелочи хватило бы на что-нибудь самое дешёвое, но я не могла отдать последнее за еду: ещё искать, где ночевать. Села за пустой столик. Можно хотя бы не стоять.

За соседним столом работала Катя. Мы вместе запускали кампанию для IKEA; я даже обрадовалась, увидев её ноутбук. Вот кто умеет выслушать, не перебивая. Катя заметила меня, улыбнулась — и тут же перестала. Не успела я поздороваться, а она уже знала, что скажет.

— Привет, — я попыталась улыбнуться, но губы онемели. — Катя, слушай, мне срочно нужны пять тысяч на жильё и такси до подруги. Я верну завтра. Клянусь. Катя закрыла крышку ноутбука. Медленно. Ритуально. — Марина, я не могу. — Почему? Это же просто деньги! Я объясню, что там с фото... это монтаж, я почти уверена... — Весь офис знает, — перебила она, понизив голос, хотя вокруг было полно людей. — Знают про твою истерику. Про то, как ты бегала по коридорам с ножом. Я даже не сразу поняла, что она сказала. Никакого ножа не было. — Катя, ты же знаешь меня. Она отвела глаза. — Я знаю, что у меня испытательный срок. Знают про измену. Игорь написал пост в своем профиле для коллег. Он выглядит жертвой обстоятельств, а ты... ты выглядишь как проблема. Мне не нужен этот скандал. Извини.

Катя закрыла ноутбук и ушла. На месте её стакана осталось пустое пятно — я продолжала смотреть туда. На работе она могла спросить моего совета из-за одного письма клиенту. Сейчас не захотела потратить пять минут, чтобы узнать, что случилось со мной. Не деньги жалко. Она не хотела сидеть рядом.

Экран погас, когда я проверяла заряд. Я нажала кнопку несколько раз, без толку. Дошла до парка, села на скамейку. Рядом лежала бесплатная газета; я взяла её скорее занять руки, чем почитать. На последней странице увидела телефон правовой помощи женщинам. Прочла номер вслух, повторила: надо запомнить до того, как уйду отсюда.

Прохожий одолжил мне пауэрбанк. Я пять минут собиралась попросить и наконец выговорила: «Мне нужно позвонить о детях». Он молча протянул провод. Когда батарея зарядилась на пятнадцать процентов, я позвонила на горячую линию. Юрист сразу спросил о детях и документах. Я попыталась начать с фотографии, но он остановил: сначала надо понять, где дети сейчас. Я ответила и стала слушать. — Отсутствие дохода не лишает вас права быть матерью, — сказал юрист. — Но муж уже создаёт удобную ему картину. Фиксируйте отказ школы,

угрозы, попытки отрезать вас от детей. И ищите жильё и работу: это поможет вам отстоять свою позицию. По телефону я не решу ваш спор. Нужны документы и очная помощь. — А если докажу, что фото поддельное? — Это будет одно из доказательств. Но не сводите всё к фотографии. Вопрос сейчас в том, что происходит с вами и детьми.

Я отдала прохожему пауэрбанк и поблагодарила. Юрист сказал собирать документы, искать жильё. Не «терпи», не «будь разумной». Хорошо. Только где их брать, эти документы, если муж забрал даже ключи? Нужно было начать с того, что ещё осталось у меня.

Я засиделась до темноты. Под курткой уже холодела спина; встала бы раньше, если бы знала, куда сейчас идти. Представляла Соню у школьных ворот и каждый раз хотела встать и вернуться за ней, будто школа всё ещё открыта. Вспоминала Катю. Сотрудницу банка. Каждой я пыталась объяснить всё сразу, а они слышали только, что муж со мной не согласен.

Прежде чем уйти, встала и размяла колени. Переписала номер горячей линии на оборот газеты — память сейчас могла подвести. Завтра позвоню уже с фактами: вот карты, вот отказ школы, вот его слова о детях. Начну по одному. Сегодня нужно найти ночлег, чтобы утром хотя бы понимать, о чём говорю. Флешка всё ещё лежала в кармане; я проверила её через ткань и застегнула молнию.

Но сначала я пошла к нашему ЖК. Сама не могла толком объяснить зачем. Хотелось увидеть, горит ли свет в квартире, не увезли ли детей ещё куда-нибудь. Войти запасным ключом сейчас означало новую ссору. Я остановилась снаружи, под сиренью.

Около десяти из подъезда вышла Лена. Я отступила глубже под кусты: разговаривать с ней у меня не было сил. Она шла к дороге в винном шёлковом платье, которое прежде я на ней не видела, и крутила ключи. Наши ключи. Я узнала брелок и долго не могла отвести взгляд от её руки. Ей можно входить в мой дом. Мне нельзя увидеть детей даже у школы.

К тротуару подъехал чёрный Mercedes Maybach. В опущенном окне я увидела Виктора. Лена наклонилась к двери, а потом вдруг посмотрела в мою сторону. Узнала: плечи на секунду замерли, рука так и осталась на ручке. Я не пряталась больше. Она улыбнулась мне — коротко, не как сестре, которую случайно встретила вечером. Затем села в машину, оставив меня смотреть на её отражение в стекле.

Машина тронулась, и я уставилась на номер. В 777 XX 99. Повторила несколько раз, пока не смогла набрать в телефоне. Виктор, Лена, мой дом. Мне ещё нужно было понять, что их связывает, но теперь я видела их вместе сама. Не со слов мамы и не на том проклятом снимке. Под кустами было мокро, рукав зацепился за ветку; я освободила его и проверила, сохранилась ли запись.

Я пошла искать гостиницу. Позволить себе вторую ночь на лавке уже не могла: утром нужно заняться тем, что увидела.

Администратор «Гостиницы Комфорт» взял мой паспорт, раскрыл на фотографии и задержался на ней. Я уже пожалела, что не вытерла лицо лучше. В холле пахло лапшой; хотелось не говорить ничего, а сесть и съесть горячее. Но Сергей за стойкой — я прочитала бейджик — смотрел попеременно в паспорт и на меня, и я стояла, дожидаясь его решения.

— Карта не проходит. — Он повернул терминал, чтобы я сама увидела отказ. — Счета заморожены? Или просрочка?

Про мужа и блокировку я уже собралась объяснить. Остановилась. Это не поможет карте пройти, а мне сейчас нужен номер, не ещё один человек, который знает, почему меня выгнали. Но взгляд администратора заставлял отвечать, хотя он ещё не спросил. Я ведь не всегда такая. У меня есть дом, дети, я сама платила ипотеку. Все эти оправдания крутились в голове, пока на терминале горел отказ.

— Наличные есть? — Он опустил глаза к моему кошельку. Я знала остаток, но всё равно открыла, прежде чем ответить.

У меня было двести рублей мелочью, которые я забыла в куртке. Плюс те пятьсот, что остались в кошельке после оплаты такси до сюда. Этого не хватало даже на час аренды.

— Мне нужно переночевать, — прошептала я. Я спрятала дрожащие пальцы за край стойки. — Пожалуйста. Я заплачу утром.

Администратор фыркнул.

— У нас предоплата. Иначе вызываем охрану. Или полицию. Вы же не хотите проблем, да? После того, как вас выгнали из дома...

На бейджике значилось: Сергей. Я прочла имя второй раз. Если спросят, почему заплакала, скажу, что устала. Только бы не рассказывать ему про семью. Мама не пустила к себе, а чужой мужчина тем более не обязан. Я отвернулась, пока он продолжал держать мой паспорт.

Телефон показывал пять процентов. Я открыла контакты и пролистала туда-обратно: кому ещё можно сказать «негде ночевать»? У каждого имени приходилось останавливаться и думать, видел ли этот человек снимок. Пока я думала, экран темнел. Пришлось ткнуть пальцем, чтобы не погас.

Сергей вздохнул, словно делал мне одолжение.

— Есть комната 402. У окна. Шумная. Без кондиционера. Если согласны на остаток наличных плюс обещание доплатить завтра, покажите деньги. Только вперед.

Я достала купюры, пересчитала и положила перед ним. Четыреста вторая, пусть шумная. Я всё равно не усну. Мне бы закрыть за собой дверь, чтобы никто не мог сказать «следующий клиент» или «уходи». Сергей забрал деньги; я проследила за ними до ящика.

Глава 5

В номере я сразу села на кровать. Она скрипнула, простыня колола через одежду. Можно было раздеться, но я не хотела касаться её голой кожей. За стеной кашляли, с улицы шёл ровный шум машин. Я подумала, что дома сейчас, наверное, тоже укладываются. Тёма требует выключить свет, Соня ищет зайца. Всё это происходит без меня.

Я потянулась к розетке, чтобы зарядить телефон. Кабель искрил, когда я воткнула его в гнездо. Щелчок. Запах жженой пластмассы. Свет в комнате мигнул и погас окончательно.

— Черт! — шепот сорвался с губ.

Когда погас свет, я так и осталась на кровати. Не могла заставить себя встать к администратору: сейчас ещё объявит, что я сломала розетку, потребует денег. В темноте снова слышался Игорь. Я истеричка. Не справляюсь. Может быть, он и прав? Если даже переночевать у меня нормально не получается, как я заберу детей?

Я вспомнила наш балкон на тридцать пятом. Не потому, что собиралась туда, — просто хотелось перестать чувствовать всё это сразу. Мама, Лена, муж, смех из телефона. Я боялась собственных мыслей, но никак не могла их остановить.

Хотелось, чтобы больше ничего не происходило. Ни звонков, ни утра.

Потом вспомнила Тёмину тарелку. Он отказывался есть, когда я уходила, а я не смогла задержаться и спросить почему. Теперь знает только то, что говорит отец. Если исчезну совсем, кто объяснит ему остальное?

Если я умру, он останется с этим чувством навсегда.

Я жала край простыни, потянула на себя. Боль в пальцах помогла задержаться здесь, на кровати, а не на том балконе. Мне нужно пережить эту ночь. Потом утро. А потом ещё одно — столько, сколько потребуется, чтобы вернуться к детям.

За дверью номера скрипнула половица. Я замерла. Кто пришёл? Администратор? Охрана? Полицейские?

Стук в дверь был мягким, почти вежливым.

— Марин? Ты здесь?

Лена. Я бы узнала её даже сквозь стену. Обычно её голос означал, что сейчас зайдёт и начнёт рассказывать что-нибудь, не дожидаясь приглашения. Теперь я не хотела, чтобы она произнесла моё имя ещё раз.

Лена.

Я села ровнее, посмотрела на дверь. Кто сказал ей, где я? Кто угодно мог сказать, что я не хочу её видеть. Вот это зачем-то скрыли.

— Открой, — позвала Лена. — Я принесла ужин. Дети спят, а ты... ну, ты голодная, наверное.

К двери подошла ради вопроса: как она нашла меня и где дети? Была ещё глупая надежда: сейчас объяснит, а я пойму, почему она вчера так написала в чате. Я придержала цепочку рукой, проверила, что застёгнута.

Щелкнул замок. Я приоткрыла дверь на цепочку.

Лена стояла в светлом коридоре, в дорогом пальто, с пакетом еды. Я заметила, как чисто у неё лицо, как аккуратно лежат волосы. Сестра увидела меня через щель и улыбнулась. В таком виде я рядом с ней и правда выглядела нездоровой. Ей даже стараться не пришлось.

— Пусти, — сказала она. — Тут сквозняк.

— Зачем ты пришла? — Я не отодвинулась от двери, оставила щель той же ширины.

Лена подняла пакет с едой, словно это и был ответ. Я продолжала ждать, не протягивая руку.

— Мама попросила. Сказала, ты совсем одна. Ну, ты же понимаешь, ситуация... нелепая. Игорь очень расстроен. Он считает, что ты ведешь себя нервно.

«Нервно» я уже слышала сегодня от всех. Теперь это сказала Лена, будто обсуждала мой характер, а не собственную фотографию. Я сильнее прижала ладонь к двери.

— Я не хочу твоей еды, — отрезала я, блокируя дверной проем плечом.

— Ой, да ладно тебе, Марин. — Лена рассмеялась, но смех получился сухим, ломким. — Ты всегда была слишком серьезной. Даже в двадцать лет, когда мы танцевали на выпускном, ты стояла в углу и контролировала, чтобы никто не наступил мне на платье. А теперь? Теперь ты вообще потеряла чувство юмора.

Она попыталась протиснуться внутрь. Я надавила сильнее. Цепочка натянулась.

— Что ты хочешь? — Я придерживала цепочку. Сестра уже посмотрела за моё плечо, успела разглядеть, где я ночую.

— Я хочу помочь, — прошипела она. — Игорь готов дать тебе шанс. Подпиши бумаги о добровольном уходе. Скажи, что ты сама ушла из-за личных проблем. Тогда он оставит детей с тобой на выходные. А если будешь устраивать сцены... он наймет хороших адвокатов. Ты знаешь, какие у него связи. Виктор тоже помогает.

Виктор опять. Муж назвал его вчера, теперь сестра обещала его помощь с адвокатами. Мне нужна была помощь увидеть детей, но почему-то ни у одного из них не нашлось именно такой. Я посмотрела на пакет: зачем она вообще принесла еду к этому разговору?

— Вчера ты писала, что ничего не было, — сказала я. — Пьяная шутка после корпоратива, неудачный ракурс. Почему тогда пришла торговаться моими детьми?

Сестра перестала держать пакет на весу. Опустила его к ноге и подалась назад, когда я напомнила вчерашнее сообщение.

— Ты бредишь, Марин. Никакого корпоратива не было. Была измена. Все видели. Вся семья видела.

Пакет она поставила у порога. Я не стала звать вслед, хотя вопросы остались. Закрыла дверь, дождалась, пока каблучков больше не будет слышно, и только тогда опустила ладонь с цепочки. За пальцами отпечатался металл.

Шаурма с двойным сыром, картошка фри. Дети это любили, а я ворчала про вредную еду. Лена знала. Наверняка уже угощала их и объясняла, какая тётя хорошая. Я открыла пакет, сразу захотела есть и рассердилась на себя: нет, отказ от шаурмы не докажет, что я права. Но принять её после обещанного «шанса» от Игоря я тоже не могла.

Я держала пакет на коленях. Еда ещё пахла горячим сыром, живот сводило от голода. Хотелось достать один кусок, съесть быстро, пока никто не видит. Только здесь уже никто и не видел. А я всё равно стыдилась.

Внутри пакета, среди салфеток, лежала сложенная записка. Почерк мамы. Аккуратный, с завитушками, который я узнала бы из тысячи.

«Прости нас. Мы не можем против Игоря. Он прав. Ты сама виновата, что довела до такого. Живи спокойно. Не пиши нам».

Мамин почерк. Я провела пальцем по букве, будто из-за этого фраза могла измениться. «Не пиши нам». Не только себе запретила отвечать — написала от имени всех. Я прочла до конца и вернулась к началу: там стояло «прости». За что мне её прощать, если дальше опять виновата я?

Я скомкала записку, зажала в пакете и бросила всё в урну. Из раскрытого пакета вывалился край шаурмы, лёг на чужие окурки. Я отвела глаза. Даже теперь хотелось есть, и от этого злилась ещё сильнее.

Я сползла на пол, прислонилась к кровати. Выбросила еду и теперь слышала, как урчит живот. Даже это получалось против меня. Подумала поднять пакет — нет. Пусть лежит там. Слезы закончились, а мыслей меньше не стало.

Вдруг экран телефона засветился. Одна полоска сигнала. Слабая, мигающая, как сердцебиение умирающего. SMS от неизвестного номера.

«Если хочешь увидеть сына, не пиши ему напрямую. Бабушка читает все сообщения. Жди звонка в 03:00».

Я перечитала сообщение. Кто пишет, откуда знает про сына? Могла ответить и спросить, но до звонка оставалось пятнадцать минут. Если это новая ловушка, всё равно должна услышать, что скажут. Хотя бы не со слов сестры.

Я подтянула колени к груди и перестала смотреть на урну. Впервые за весь вечер у меня было назначенное время и конкретное дело: не пропустить звонок. Всё остальное пока подождёт.

02:45. Я проверила звук, потом заряд. Сидела с телефоном в обеих руках, боялась случайно нажать не ту кнопку. Даже кашель за стеной перестала замечать.

02:58. 02:59. 03:00.

Вызов пришёл точно в три. Я уже держала телефон в руке, увидела неизвестный номер и положила палец над кнопкой ответа. Совпадает ли он с сообщением, проверять сейчас не стала.

Я нажала «Ответить» и прижала телефон к уху. Палец всё ещё держала над экраном, боялась случайно сбросить вызов.

— Алло?

Тишина. Потом шорох. Тяжелое дыхание.

— Мама? — тонкий, испуганный детский голос. Артём.

Меня ударило током. Я закрыла рот рукой, чтобы не закричать.

— Артём... сынок... — прошептала я. — Где ты? Тебе хорошо?

— Я в шкафу, — зашептал он в ответ. — Папа спит. Бабушка тоже спит. Я спрятался.

— Почему ты в шкафу?

Пауза. Я слышала, как он сглотнул.

— Папа дал мне планшет. Там есть фото. Ты там с Леной. В нашем халате. Папа говорит, вы вместе спали. Он сказал, что ты плохая. Что ты предала нас.

Ему показали ещё одну фотографию. С моей спиной, чужим мужчиной, нашим халатом. Я сначала хотела попросить прислать её, потом услышала, как Тёма дышит. Ему не нужен был разбор снимка. Ему нужна была мама, которой можно верить.

— Артём, послушай меня, — я говорила медленно, отчетливо, вкладывая в каждое слово всю свою ярость и любовь. — Это неправда. Никакой измены не было.

— Но почему ты не дома? — голос сына дрогнул. — Папа говорит, ты ушла к другому дяде. Виктору. Он богатый. Он купит нам новую квартиру.

— Нет, малыш. Мама никуда не уходила к другому дяде. Мама здесь. Мама борется за тебя.

— Ты голодная? — вдруг спросил он. — Я оставил тебе блинчик. Он холодный, но я съел свой.

Он оставил мне блинчик. Прятался в шкафу и всё равно думал, ела ли я. Я зажала рот свободной рукой; ответить нужно было так, чтобы не услышал, что я опять плачу.

— Спасибо, солнышко. Я ем. Я очень сытая.

— А правда, что ты не плохая?

— Правда. Клянусь. И я докажу это. Я вернусь.

На заднем плане послышался шум. Дверь скрипнула.

— Артём, беги, — крикнула я. — Прячься!

Гудки. Связь оборвалась.

Я прижала погасший экран к груди. Сын снова остался там, а я здесь. Только теперь я знала: он позвонил сам. То, что говорил при отце, не было всем, что он думает. Не успела сказать ему достаточно, но он услышал мой голос.

Игорь отнял у меня дом и деньги. Теперь учил сына стыдиться собственной матери. Этого ему было мало — нужен был ещё и снимок, чтобы ребёнок не смог спорить.

Было 03:05. Я положила телефон рядом, повернула экраном вверх. Если сын позвонит снова, увижу сразу. До утра надо было понять, с чего проверять фотографии Лены и как выйти на Виктора. Я больше не могла ждать, пока они сами всё объяснят.

— Никакой измены не было, Тём, — повторила я, хотя звонок уже оборвался. — Я докажу. Ты только дождись меня. Я посидела ещё немного и стала вспоминать, где у Лены хранятся фотографии.

Глава 6

Я сижу на краю кровати и держу телефон чуть дальше от лица. От яркого экрана болят глаза, но отложить его не могу. Если сейчас усну, к утру опять решу, что у меня ничего не получится. Надо начать, пока я помню голос сына.

В блоге Лены появляется красная плашка: *«Подозрительная активность с IP-адреса 85...»*. Я ведь знала про второй шаг входа, сама ей его настраивала. Забыла. Нужен код, а код уйдёт на мамин резервный номер — сим-карта стоит во втором слоте её телефона. Старый пароль я помню, но теперь его одного мало. Когда они теряли доступ, звали меня: «Марин, посмотри, что опять не так». Теперь нужно попросить маму помочь мне попасть в аккаунт Лены. И объяснить, почему именно сейчас.

Над именем «Мама» я задерживаю палец. Звонить нельзя: услышу её голос и начну оправдываться. В тексте хоть смогу перечитать собственные слова, прежде чем отправлю. Что написать, чтобы она не переслала это Игорю сразу?

Открываю форму восстановления доступа к блогу Лены. Система требует SMS на старый номер матери. Я открываю чат с мамой. Там тишина. Последнее её сообщение: *«Марина, оставь нас в покое. Игорь прав, ты больна»*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.